
ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК
РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И КУЛЬТУРЫ

Том II

1996

№ 3

Санкт-Петербург

Ф. З. Канунова
Томск

Г. С. Батеньков и В. А. Жуковский

Человек уникальной личности и судьбы, Г. С. Батеньков привлекал к себе постоянное внимание исследователей. Еще Б. Д. Модзалевский в 1918 г. заметил, что о Батенькове написано работ больше, чем о Пестеле (*Модзалевский* 1918: 107).

Устойчивый интерес историков и литературоведов к Батенькову (*Бородавкин* 1960; *Снытко* 1956; *Илюшин* 1978; *Батеньков* 1989¹) объясняется неразгаданностью и даже легендарностью его судьбы. Несмотря на активное участие в декабристском движении и на серьезное отношение декабристов к Батенькову, которому предназначалась ведущая роль в будущем Временном правительстве, на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. он не вышел, но наказание понес (не считая казненных) самое строгое — после крепости Свартгольм на Алданских островах Батенькова ожидало двадцатилетнее одиночное заключение в Петропавловской крепости.

Как бы не объясняли эту особенную участь Батенькова исследователи, она имеет исключительное значение для понимания эволюции его общественных и, что для нас особенно важно, литературно-эстетических воззрений, которые менее всего изучены².

Батеньков — общественный деятель (политические, социологические, экономические воззрения) изучен больше и полнее, чем Батеньков-философ, литератор, литературный критик, теоретик искусства, поэт. Хотя материалы для такого изучения прекрасные. Многие из них до сих пор не опубликованы — это богатый архив декабриста³, многочисленные записки Батенькова (в значительной части — томского периода) по вопросам философии, художественной гносеологии, антропологии, концепции человека, религии.

Не претендуя на решение всех вопросов литературно-эстетической позиции Батенькова, остановимся в предлагаемой

статье на проблеме отношения Г. С. Батенькова к В. А. Жуковскому в связи с эволюцией его мировоззрения (40–50-е гг.).

1

Батеньков, как и многие другие декабристы, являлся человеком разносторонних и глубоких познаний в области естествознания, математики, истории, географии и этнографии, экономики (на основании сибирских материалов он написал несколько исследований о золотопромышленности, о путях сообщения, о сельском хозяйстве, о сибирской промышленности, о ссыльных, сибирской статистике и т. п.). В 1819 г. под руководством М. М. Сперанского начал изучать право и приобрел большие познания в области государства, права и законодательства. Глубоко интересовался Батеньков лингвистикой (необычайная способность к языкам), педагогией. У него, озабоченного вопросами просвещения Сибири, были работы о распространении образования в России, о школьном деле и т. п.

Очень рано проснулся глубокий интерес Батенькова к литературе. Видя в литературном движении 20-х гг. средоточие общественной жизни, он сблизился с прогрессивным лагерем русских литераторов и в 1824–1825 гг. с головой окунается в петербургскую литературную жизнь. Он посещает собрания «Общества любителей российской словесности», проникается идеями литературной борьбы шишковистов и карамзинистов, иронически пишет о Шишкове, сочувствует Н. Полевому в его борьбе с Булгариным (I, 208–209), выступает поборником романтизма в широком смысле этого слова.

Батеньков был одним из наиболее философски образованных декабристов. Еще во времена французских походов (в войне 1812–1815 гг.) он вместе с Елагиным увлекся философией Шеллинга. Об этом он позднее напишет П. В. Киреевскому, сыну А. П. Елагиной (март 1847 г.), закономерно усмотрев в своем увлечении философией корни русской философской литературы 40-х гг. «Еще во времена утомительных походов французской войны нас трое — Елагин, я и некто Паскевич — вздумали пересадить Шеллинга на русскую почву <...>. Вот так глубоко мое право почитать себя дедушкой нынешних литературных партий». Здесь Батеньков видит «один из самых археологических корней к изъяснению господства любви к германской философии» (I, 225). «<...> Я в самом деле сделался порядочным философом и к довершению бед, немецким» (I, 224), — пишет Батеньков уже из Томска в период сибирской ссылки.

Главным вопросом, который решал Батеньков так же, как и другие романтики последекабристской поры, был вопрос о роли и назначении человека (о мере его ответственности за все происходящее), о свободе и необходимости в действии отдельного индивидуума. Источником осмысления и решения этих вопросов для Батенькова и до 1825 г., и особенно в последекабристский период, явилась немецкая идеалистическая философия, наиболее теоретически последовательно решавшая проблему свободы и необходимости и утверждавшая высшую интеллектуальную деятельность личности, глубинный процесс самопознания и познания мира, как важнейшую сферу свободы. Высокая сущность человека (человек — микрокосм), философия самопознания и тождества и лежащая в ее основе идея развития — всем этим, как известно, был дорог Шеллинг русским романтикам.

Но, думается, что у Батенькова 40–50-х гг. был свой подход к немецкой философии и, в частности, к Шеллингу и Канту. Дело в том, что важнейшим источником мироотношения Батенькова, его понимания человека и мира являлась религия. В религиозности Батенькова заключались существенные стороны его эстетики и поэзии, что проявилось у него, как и у других декабристов, с особой силой в последекабристский период. Пережитое декабристами неминуемо влекло их к отказу от одностороннего общественно-политического ригоризма и объясняло настойчивое стремление, с одной стороны, к духовному самоуглублению, самопознанию и самовоспитанию, а с другой — к монументализму мышления (предельному обобщению и осмыслению пути человечества к решению онтологических проблем). Все это открывалось в религии. Отсюда очевидный факт увлечения многих декабристов религией именно на каторге, сибирском поселении. Батеньков здесь был близок В. Ф. Раевскому, В. Кюхельбекеру, А. М. Муравьеву, Е. Н. Оболенскому, М. С. Лунину (Анненкова 1989).

2

В литературной школе Батенькова большую роль сыграло наряду с литературой XVIII в. и поэзией гражданского романтизма сентиментально-романтическое направление Карамзина и Жуковского, что недооценивается его исследователями.

Глубокий и постоянный интерес к Жуковскому запечатлен и в переписке, и в литературно-критической деятельности Батенькова, и в его поэзии. В самом генезисе эстетических представлений поэта большую роль играло сентиментально-романтическое направление. Органично воспринятое Батенько-

вым, оно со временем обрело принципиально мировоззренческий характер. Впоследствии в своих автобиографических заметках Батеньков писал: «Живительнее всего были сочинения Карамзина: «Путешествие», «Аглая», «Безделки». (Батеньков 1933: 99).

Считая Карамзина одной из вершин («шпилей») (Батеньков, заметки: 305) в развитии русской литературы, Батеньков ценил автора прославленной сентиментальной прозы за принципиальное сближение литературы с жизнью, средством которого явилось созданное Карамзиным Слово, выражающее состояние духа автора.

Бросается в глаза большая заинтересованность Батенькова личностью и творчеством Жуковского. Через многие письма его конца 10–20-х гг., особенно к А. А. Елагину, проходит настойчивое стремление познакомиться и сблизиться с Жуковским. Уже в июле 1817 г., сообщая своему другу о том, что он с удовольствием читал «Людмилу», «Громобоя», Батеньков просит присылать все, что написал Жуковский⁴. «Я замечаю, что ты близко знаком с этим земляком твоим, удели и мне этой чести <...>, сблизь нас более и более, я буду писать к нему» (I, 114).

Очевидно, по мере знакомства Батенькова с творчеством первого русского романтика желание сблизиться с Жуковским, поэтом и человеком, становится более настойчивым. Об этом говорит его переписка с А. А. Елагиным. 9 мая 1818 г.: «Не забудь, что ты хотел меня познакомить с Жуковским. Крайне я желал бы этого не из тщеславия, но по склонности любить добрых» (Письма 1936:94). 26 июня 1818 г.: «<...> не исполнил своего обещания и познакомить меня с Жуковским, и доставлять тотчас все новые его сочинения» (Письма 1936:95).

Намерение сблизиться с Жуковским растет по возвращении Батенькова в Петербург в конце 1821 г. В феврале 1822 г. он с досадой сообщает Елагину, что «все еще мечтает о знакомстве с Жуковским», которое состоялось в марте 1822 г. В период 1822–1825 гг. Батеньков, с головой окунувшись в литературную жизнь Петербурга, общается с автором «Светланы». «С некоторого времени, — пишет он 27 марта 1825 г., — Жуковский начал являться на нашем семейном горизонте. Его очень полюбили и мне весьма жаль, что двор поглощает все его время и не позволяет ему чаще бывать у нас. В этом нет никакого сомнения, что здесь он нашел бы более, нежели где-нибудь, отрады, пищи и благоприятства (для творчества) <...>. Собственное мое чувство так убеждает» (I, 154). «Вихрь двора умчал Жуковского в Павловск, пишет Батеньков 25 мая 1823 г., — перед отъездом он был у меня каждый день и взял честное слово посещать его» (I, 170). Подобные высказывания, свидетельст-

вующие о духовной близости Батенькову Жуковского и родного для него семейства Елагиных, находим в письмах от 27 сентября, 17 октября, 2 ноября 1823г., 7 марта, 24 и 29 мая 1824г., 20 января 27 марта, 21 апреля, 23 мая 1825 г. и др.

Жуковский, в свою очередь, с интересом относится к Батенькову. Так 19 мая 1823 г. он пишет: «Я говорил с Батеньковым и он напишет к вам о том, что мы с ним говорили, люблю его от души за его любовь к вам. **Мы совершенно с ним согласны в образе мыслей**» (*Жуковский* 1883: 88).

Этот очевидный интерес к Жуковскому — поэту, философу, человеку, не только не уменьшится, как утверждают некоторые критики Батенькова, а обретет глубоко мировоззренческий, эстетический смысл в последекабристский сибирский период (1846—1856).

Следует при этом напомнить, что как оригинальный поэт и философ, литературный критик и мыслитель широкого гуманитарного плана Батеньков проявил себя в ссылке и изгнании. Очень интересен в этом отношении сибирский период. Как показывает архив поэта, именно к этому времени относится значительная часть написанного им по вопросам истории, философии и эстетики. Здесь были созданы наиболее интересные литературно-критические статьи о русской литературе, заметки о русских журналах, здесь, по всей видимости, были восстановлены многие стихотворения 20—30-х гг., поры заключения в Петропавловской крепости.

В письмах томского периода и в специальной статье, написанной в связи с кончиной великого поэта в 1852г., Батеньков в полной мере развернул свою концепцию творчества В. А. Жуковского. Близость к мировоззрению и поэзии Жуковского, характерная для Батенькова и в 20-е гг., сейчас, в 40—50-е гг., становится глубже, органичнее и концептуальнее. Это проявилось, прежде всего, в родстве философских воззрений, в осмыслении концепции человека, соотношения объективного и субъективного, проблемы свободы и необходимости, а за всем этим — в понимании центральных онтологических, религиозных проблем — происхождения человека, человека-Бога, космоса.

3

Известно, что с первых шагов своего творчества Жуковский заявил о себе как поэт, верующий в Бога, в высокие нравственные надличные силы, являющиеся демиургом духовной жизни на земле. Он решительно не принимает упрощенные, с его точки зрения, концепции происхождения человека, принадле-

жавшие материалистам XVIII в. Пристально исследуя европейскую философскую литературу, Жуковский недвусмысленно полемизирует с Гольбахом и Гельвецием (Канунова 1990: 29; 162 и др.), объявлявшими человека частью природы, полностью подчиненной ее законам. Опровергая механистический материализм, Жуковский апеллирует к религии и Богу. «Как мог простой механизм произвести что-нибудь умное, мыслящее? Человек есть творение. Он имеет ум, следовательно, творец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недосыгаемо для этого ума» (Канунова 1990: 30).

Раздумывая все более и более о сущности материализма XVIII в. Жуковский, нужно полагать, одним из первых в русской литературе обратил внимание на коренную его ограниченность — неумение слить материальное и духовное. Романтический универсализм Жуковского родился в полемике с рационально-материалистическими системами и в постижении им основ религии христианства, впервые глубоко объединившей материальное и духовное в едином грандиозном синтезе.

Два аспекта в отношении Жуковского к религии — «религия сердца»: постижение таинственной невыразимой души и, с другой стороны, — универсализм теологии, стремление к предельному обобщению и осмыслению пути человечества. Это явилось важнейшим свойством эстетики романтизма с его пафосом универсализма, который у Жуковского так же, как и у литераторов декабристов, проявился с особой силой в 30–40-е гг.

В многочисленных философских заметках Батенькова, в его сибирских письмах — осуждение рационализма мышления, свойственного, по его убеждению, «грубому» (выражение Г. С. Батенькова) материализму в науке, игнорирующему религию. В письме к Е. Н. Оболенскому он пишет: «Вы правы, <...> науке нашего времени не достает благочестия. Она вышла бы из своей шаткости и противоречий, если бы признала Бога всему причиною». И далее уже откровенный поход против упрощенного материалистического объяснения происхождения мира и человека: «как и ни гляди а, приписывая все, даже и красу природы кругообращению шара, действию центрального огня, возвышению земной коры, электричеству, магнетизму и проч. <...>, ничего изъяснить нельзя. Понадобится непременно **воля, разум и намерение**. Вот почему и можно похвалить начинавшееся стремление некоторых литераторов искать прогресс в духе и внутреннею причину объяснять явления» (I, 238). Здесь Батеньков имеет в виду тех молодых философов типа Киреевских, которых считает своими «внуками» (I, 225). В отходе от духов-

ных начал и утрате духовной целостности видели эти писатели кризис отвлеченной философии.

Сидя в течение двадцати лет в Петропавловской крепости и имея при себе одну лишь книгу — Библию на всех языках, — Батеньков, как он уверял в 1846 г., пережил «откровение» (Гершензон 1916: 22–25). Может быть, тогда, впервые, в христианстве он увидел великую силу, объединяющую мироздание и грандиозный дух. В письмах из Сибири, размышляя о материализме и идеализме, о творчестве Бога и человека, о роли откровения и прозрения в построении философских систем, Батеньков еще и еще раз утверждает в религии великую объединяющую силу. Игнорирование этой силы делает безжизненной самую науку. В связи с чтением «Космоса» Гумбольдта Батеньков с грустью заключает: «наука много установила истин и сделала много открытий, не открыв однако Бога, и потому сомнительно, чтоб много» (I, 283). Или: «Как бы то ни было, а кажется, Бог хитрее Парижской Академии и не скоро выпытает она у него творческие тайны. Он не только математик, но и поэт такого обширного размаха, что всю вселенную наполнил своею славою, **величием, гармонией** и красотою» (I, 282) (письмо от 28 августа 1853г.).

Здесь всюду проявилась жажда целостного мирозерцания, в котором бы органически слились материальное и идеальное, знание и вера, истина и Бог (т. е. добро и высшая идея). Думается, что русская философия последекабристской поры, генетически связанная с Жуковским (Батеньков, Кюхельбекер, Чаадаев, И. Киреевский), в своем отталкивании от детерминистских материалистических теорий, в несомненно возросшем религиозном интересе, примиряющем знание и веру и приводившем к универсальной проблеме бытия, являлась предшественницей **новой трактовки человека** (которую впоследствии разовьют и доведут до целостной системы философы конца XIX — начала XX вв. — Бердяев, Шестов⁵, С. Булгаков).

Важнейшим вопросом здесь является вопрос о соотношении субъективного и объективного в концепции личности. Сам Батеньков в своих философских заметках под заглавием «Упражнение в мышлении» записывает: «о воплощении духа, о слиянии субъективного и объективного». «Обычным мышлением, — говорит он, — мы не достигнем понятия воплощенного духа» (Батеньков. Упражнение... : 27) «Понятие воплощенного духа — это слияние субъекта и объекта, исходная точка для всякого знания.

Все равно, каким бы путем мы ни достигли этого существенного понятия, пантеизма, деизма или еще откровения, не-

обходимо только <...> духовное бытие Бога» (*Батеньков. Упражнение...: 34–35*).

Батеньков по-своему пересматривает философию романтического двоимирия, основой которого является дуализм. Он смотрит на человеческое существование как на нерасчленимую целостность объекта и субъекта. Личность — средоточие всех духовных и душевных способностей человека, его внутренней сущности, центр, регулирующий связь человека с миром. Личность — не часть общества и мира, она несет этот мир в себе. Под этим углом зрения Батеньков рассматривает и поэзию Жуковского.

Интересна обнаруженная в архиве декабриста статья «Рассуждение по поводу смерти Жуковского» (*Батеньков. Рассуждение...: 1–11*). Главное в Жуковском подчеркивается Батеньковым с самого начала статьи: «Жуковский был поэт нравственный, добрый и верующий. В этом суть его поэзии, которую не следует выводить из общественных условий» (*Батеньков. Рассуждение...*). Речь, естественно, идет не об отрыве поэзии от жизни, а об уникальности, самостийности и универсальности поэтического мира. Поэзия — это всегда творимый поэтом **новый мир**, в котором «столько же широты, как и в видимом». Пафос Жуковского в «духовности» и «вникновении в творческие силы» духа, когда поэт видит Бога, «то есть крепнет умом в познании его бытия». Личность, созданная Жуковским, универсальна, в ней нерасчленимы субъект и объект. Жуковский «не отворачивается от мира, <...> он несет его в себе. Ему нет нужды отторгать себя от жизни, как и не любить натуру — <...> это все в нем» (*Батеньков. Рассуждение...: 1*).

Статья о Жуковском, несмотря на ее небольшие размеры, содержит в себе обобщающие литературно-эстетические идеи Батенькова. Неслучайно, что они сформулированы в связи с творчеством «Коломба русского романтизма».

Здесь Батеньков выстраивает свою парадигму типов и стилей русской литературы. Он говорит о трех «понятиях», положенных в основу трех различных типов искусства. Это — первое — отрицательное понятие, когда поэт «осуждает жизнь и ищет блаженства вне натуры» (*Батеньков. Рассуждение...: 1 об.*).

Второе — «положительно-естественное понятие», когда поэт «обратится к народу, ко всякому стремлению в пользу общественной и частной жизни» (*Батеньков. Рассуждение...: 2*). И, наконец, «понятие полное (светлое)» — это синтетическая поэзия, где жизнь реальная и трансцендентальный мир, «область духа» и «проникновение в его творческие силы» сливаются воедино. Жуковского, по всей видимости, Батеньков относит

к третьему типу, хотя полное воплощение этого пути — дело будущего. Батеньков возлагает большие надежды на второй том «Мертвых душ» Гоголя и впервые соединяет внутренне позднего Жуковского и позднего Гоголя.

В статье о Жуковском Батеньков ставит важнейшую для позднего русского романтизма, да и вообще для русской литературы 40–50-х гг. проблему природы человека в искусстве, характера его детерминированности, сути особого антропологизма писателя. Как романтики, Батеньков и Жуковский ставят свой главный акцент на абсолютных вневременных ценностях мира и человека. «Главное, что есть в нас, — пишет Батеньков, — ни от времени, ни от обстоятельств совсем не зависящее» (*Гершензон* 1916: 69). Следовательно, чтобы не потерять ориентир, очень важно «не утратить Полярную Звезду».

Отталкиваясь от причинно-следственного пути познания человека, романтики 40-х гг. Жуковский и Батеньков приходят к пониманию той доминанты личности, которая проявляется через его непосредственное общение с Богом (надличными силами). Человек, и особенно поэт, переживает Бога через его оригинальное внутреннее Слово, «внутренний образ», «внутренний акт». Здесь поэт, по Батенькову, «принципиально отличается от ученого. Наука постигает истину во внешнем пространстве посредством измерений, вычислений, политических заключений и т. д. Искусство делает то же во внутреннем пространстве, в человеческой душе, с помощью интуиции, ощущений, чувств, выраженных в словах»⁶. Огромна роль в этом отношении Жуковского, который впервые попытался выразить невыразимые, тайные движения души через особое «внутреннее Слово».

На протяжении всей творческой жизни Батенькова и Жуковского занимала именно проблема выражения словом того, что совсем недавно казалось смутным, неуловимым. Батеньков один из немногих (и, может быть, первых) в русской литературе теорию «невыразимого» Жуковского свяжет с проблемой Божественного откровения, Божественного Логоса. Впоследствии это глубоко разовьет А. Н. Веселовский (*Веселовский* 1904: 240 и далее).

Таким образом, концепция человека у Батенькова и Жуковского теснейшим образом связывается с проблемой Слова, стиля, поэтики. Жуковский, думает Батеньков, благодаря своему особому слову занимает уникальное место в истории русской литературы. Выстроенная в статье о Жуковском парадигма типов и стилей («понятий») русской литературы непосредственно связана с его историко-литературной концепцией. В статье «Заметки о русской литературе» (*Батеньков. Заметки...: 3–4*),

отрывки из которой цитировались исследователем Т. Г. Снытко (*Снытко* 1956: 312–313), Батеньков смену этапов литературного развития прослеживает в связи со сменой в формах языка. Он выделяет три вершины, связанные с именами Ломоносова, Карамзина, Пушкина, каждая из которых отличалась своим собственным Словом.

Эпоха Ломоносова — эпоха «образования костей», «в состав которых, — говорит Батеньков, — вошли просвещенные, живая вода и органичность великого народа» (*Батеньков. Заметки...*: 3 об.). Карамзин «обильнее, нежели Ломоносов, напился «живою водою», «чем заставил русских писателей богато черпать в собственных сокровищах» (*Батеньков. Заметки...*: 4). Пушкин довел «живую воду» до своего «я». (*Батеньков. Заметки...*: 3 об.).

Что означает батеньковская «живая вода» как своеобразный критерий движения, развития литературы, ее жизни? Это, по всей вероятности, выражение многомерное, многослойное, в котором нельзя видеть лишь «идейное содержание», как думает Т. Г. Снытко. В нем скрестились нити, идущие от Библии и фольклора (сказочная «живая вода»). У Батенькова оно родилось в первые месяцы заключения как знак обретенного им **нового состояния** в связи с посетившим его, по его признанию, божественным озарением. Это особое состояние души, когда поэт в небесах «видит Бога». В письме 1848г. он пишет об этом так: «К рассвету пролился в душу мою чистый свет, влилось зримое умом чувство новой жизни, которое я назвал “живой водою”» (*Гершензон* 1916: 62). Корни этого выражения, глубочайший смысл его находим в Евангелии от Иоанна. Так, в гл. 4 Христос говорит пришедшей к колодцу самаритянке: «А кто будет пить воду, которую я дал ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую я дал ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (ст. 14), а в гл. 5 Иисус призывает весь народ пить «живую воду». «Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал он о Духе, который имели принять верующие в него». Таким образом, «живая вода» для Батенькова это особое душевное субъективное «вчувствование» (слова Батенькова) Божественного, проникновение в него. Опираясь на библейский смысл выражения «живая вода», Батеньков подчеркивает нематериальность нашего понимания его сути. Для его «воплощения» необходимо такое слово, которое мы не можем ни определить, ни выразить.

Жуковский открыл в Слове богатейшие потенции, способные проникать и выражать абстракты души, которые создают второй, невидимый мир, не менее, а более существенный для

поэта, чем окружающая его профанная действительность. «Пусть журналисты спорят о романтизме и мистицизме знакомой нам музы, я <...> хорошо знаю, что Жуковский во всех творениях, не выключая и переводов, старался выразить собственную душу или, по словам Писания, “то тайное имя, которое известно одному приемлющему”. Неприятно слышать, что это называют мечтательным мистицизмом, как будто бы бытие Божье и вездесущая его сила суть менее реальны нежели электромагнит и пары, им сотворенные» (I, 290).

Здесь, как и во всех других отрывках из статьи Батенькова о Жуковском, — отстаивание высокого идеального мира, созданного поэзией Жуковского, идеального в своей основе синтеза в его поэзии материального и духовного. Источниками его поэзии, думает Батеньков, являются и душа, и окружающий мир, действительная и «безграничная истина Моисеева» (Батеньков. Рассуждение...: 1 об.). «Такой ум, — пишет далее Батеньков, — веряется Слову и ищет в нем небесные истины, различает свет и тьму, вкушает плоды добра и зла <...>». «Полное (светлое) понятие», выраженное в поэзии Жуковского, и требует особого Слова, несущего в себе Пророчество, видения, притчевые иносказания, символику, метафоризм («Бывают и видения, и сильные вдохновения, пророческие, прекрасные, прорицательные, в которых слышен Божественный голос, так что не ухо тогда слышит и не уста говорят, а сама слышащая и говорящая способность души <...>»).

Говоря о Жуковском, Батеньков исходит из особой пластики его слова, которой он дает следующее определение: «Пластичность в слове и других искусствах тогда только и бывает истинна и изящна, когда выражает чувства <...> великого бытия, (ибо в самом веществе нет истины и изящество неуловимо механизмом приборов)», «такой пластики и нужно искать в вольных рисунках Жуковского» (I, 290). То есть, пластичность слова Жуковского, «глубокая тайна слова его» — это способность проникнуть в истину, ее высокую идеальную суть, или, как в другом месте скажет Батеньков, «творческую силу Божества».

Батеньков говорит о силе интуитивного постижения реальности Жуковским и очевидном крене его поэзии в сторону личностной мифологии и притчевого иносказания. Под этим углом зрения он рассматривает поздние произведения Жуковского — «Рустем и Зораб», «Одиссею». «Я прочитал оба последние произведения Жуковского музы, — пишет он А. П. Елагин 18 января 1848 г., — и вот хочу поделиться с тобою впечатлением. Прежде всего радуется меня, что животворящая поэзия торжествует над летами. Не приметно ничего дряхлого.

Стих гладок, и чувство льется <...>» (Гершензон 1916:60). Далее Батеньков говорит об эволюции романтизма Жуковского: «<...> мечты заменились опытом и игра фантазии уже не простая игра, а разумный узор зрелой мысли. «Рустем и Зораб» произведение эпическое: тут бурное развитие исполинских сил и соответствующее им зрелище **громадных целостей природы**» (Гершензон 1916: 60). Эпичность и монументальность замысла требовали от Жуковского, по мысли Батенькова, особого стиля, когда очевидно «прямое рождение гипербол из созерцания, как единственно приличный способ к выражению. Крепкому нашему старику это прямо по душе; а известно, что такие старики и бывают сами сказочниками» (Гершензон 1916: 60).

Вместе с тем, Батеньков в «Рустеме и Зорабе» отмечает азиатский восточный колорит. «Рустем — азиатское произведение <...> Печаль уж слышком-азиатская <...>» (Гершензон 1916: 60). Здесь же критик выражает свою тоску по русскому национальному эпосу: «На наш вкус не достаёт разгульного бессмыслия наших сказок, все еще доселе невыраженного» (Гершензон 1916: 60). В ожидании русской эпопеи Батеньков обращает свой взор на перевод Жуковским «Одиссеи». «Мне более нравится грек, — заявляет он, — <...> он все обдумал, все воображал. Он в мире глядит на человека и в его сердце, у него предание, общежитие и народность. Его гиперболы стоят в той же дали от разума, как и сама натура, <...> он точно певец <...>» (Гершензон 1916: 60).

Однако подлинно национальная эпопея, думает Батеньков, это новый уровень нравственно-философского и общественно-эстетического постижения мира и человека. «Эпопея наша должна <...> стать выше, ибо в древних не достаёт все-управляющей идеи — знания Творца вселенной, Единого всему причины и двигателя» (Гершензон 1916:60). И далее излюбленная мысль Батенькова о высоком идеальном божественном начале поэзии, ее нравственно-философском и религиозном озарении: «Настанет день, Давид возьмет перевес над Гомером, а вдохновение, проистекая из прямого его истока, разольется в обилии и, конечно, уже не истощится» (Гершензон 1916: 61).

Главный вывод Батенькова: «Без Бога какая поэзия? И без Бога мир наш — мир без природы, простой отточенный шар» (Гершензон 1916: 61). Бог здесь, как и всюду у Батенькова, — это высший нравственный демиург мира, надличная сила, которой проникается истинный поэт, и, руководствуясь которой он не только не превращается в ее пассивное орудие, но обретает подлинную свободу. Уместно отметить здесь, что, говоря о восточном эпосе Жуковского, Батеньков ощущает недостаток активного начала в действиях его героев: «И судьба более

похожа на силу тяготения, нежели на разумный акт мировой воли» (*Гершензон* 1916: 60) (т.е. свободу выбора, контролируруемую надличным Творцом).

Идя от позднего Жуковского к позднему Гоголю и отмечая в связи с проблемой национальной эпопеи созидательную функцию поэзии, Батеньков утверждает универсализм, «целкупность» творчества (о чем неоднократно говорил Н. В. Гоголь, давая яркие характеристики искусству XIX в.).

С этой точки зрения рассуждает Батеньков о предполагаемом втором томе «Мертвых душ» Гоголя, чему он посвятил специальную статью в 1848 г. (*Батеньков. Заметки...*: 5; *Снытко* 1956: 316–318). Примерно в это же время из Томска Батеньков пишет Гоголю два письма, из которых до нас дошел один отрывок. Он может служить дополнением и комментарием к статье⁷. Батеньков высоко ценит Гоголя. Сравнивая его литературную судьбу с литературной судьбой позднего Жуковского, он утверждал тем самым внутреннее родство между ними, прежде всего, в нравственно-эстетическом аспекте. Для Батенькова 40–50-х гг. Жуковский — носитель того целомудренного идеализма, того пафоса «человекостроения», которые предопределили дальнейшее развитие русской литературы к Гоголю и его последователям.

Примечания

¹ Далее ссылки на это изд. с указанием тома и страницы.

² Укажем на исследования последнего времени: *Анненкова* 1989: 121–156; *Топоров* 1995: 446–476.

³ Впервые значительные извлечения из «литературоведческой» части архива Г. С. Батенькова сделал Г. С. Снытко (*Снытко* 1956: 289–320). Брошюра А. А. Илюшина (*Илюшин* 1978) содержит в себе не только интересный очерк поэтического творчества писателя-декабриста. Автор проделал большую работу по изысканию поэтических текстов Г. С. Батенькова в различных архивах, по возможности точно атрибутировал и прокомментировал их.

⁴ Выделено везде нами — Ф. К.

⁵ Впервые на близость Г. С. Батенькову Л. Шестова указал М. О. Гершензон (*Гершензон* 1916: 25).

⁶ О внутреннем индивидуальном пространстве у Г. С. Батенькова см. указ. соч. В. Н. Топорова (*Топоров* 1995).

⁷ О творческой близости Г. С. Батенькова и Н. В. Гоголя см. указ. исслед. Е. И. Анненковой (*Анненкова* 1989: 121–156).